

ШКОЛА ИДЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МЫ встретились не случайно: в жизни каждого, наверное, вдруг возникает потребность повидать давних товари-

щей, с которыми связывает нечто большее, чем просто приятельские отношения. Повидать, расспросить, рассказать... И в этом свидании, в неспешной беседе почерпнуть то, что необходимо именно сейчас: одному — уверенность в собственных силах, другому — убежденность в неразрывности дружеских уз, третьему — бескорыстную помощь.

Вот так недавно собрались и мы — бывшие однополчане, породнившиеся во фронтовых окопах. Говорили о прошлом — и бодро, и с грустью, и озабоченно. И как-то вышло, что пожалели: эх, нет с нами нашего майора, нашего скромного и мудрого старика, как мы тогда — юные и необстрелянные — называли его. Ему было под сорок, он до седьмого пота гонял нас на тактических занятиях, посмеивался над неловкими, бурно сердился на непонятливых, заставлял вновь и вновь повторять приемы. Измотанные, обессиленные, мы с нетерпением ждали отбоя, но когда, разгоряченные, жарко дышащие, валились на мерзлую землю, командир отрывистым «Встать!» поднимал нас.

Мы любили майора за доброту. Мы относились к нему уважительно, потому что он всегда — и это долго оставалось для нас загадочным — оказывался прав. Мы, не стесняясь, делились с ним сокровенными тайнами и бедами, которых не открыли бы никому, даже отцу, и он подсказывал удивительно верные решения. Насколько я знаю, никто из нас не осмелился хоть раз сказать ему неправду.

Теперь-то, спустя годы, одарившие нас житейским опытом, мы понимаем, что покорявшая молодых солдат мудрость командира являла собой притягательное сочета-

ние справедливости и принципиальности, чувства ответственности за свои поступки и честности, уважения достоинства человека и отзывчивости.

Майор был секретарем партийной организации нашего батальона...

Тридцать с лишним лет минуло с той поры, многое забылось, многие вытеснены из сердца иными людьми, а майора мы, однополчане, помним и, вторя друг другу, с высшей похвалой говорим:

— А что, братцы, ведь настоящим был коммунистом!

Он стоял у меня перед глазами, когда я готовил роль, а потом и играл Егора Сысоева в спектакле «У времени в плену». Я не мог и не хотел освободиться из-под власти обаятельного характера моего армейского наставника, видя в нем средоточие тех духовных ценностей, которые дороги и лично мне, и моим согражданам, — всем, кто обретает силу, гордость, вдохновение в общении с мужеством и талантом народа, поднятого с колен ленинской партии, вставшего под красное знамя революции, прошедшего сквозь неизмеримые тяготы и лишения и обретшего счастье. Не мне судить, насколько удачен в моем исполнении образ Егора Сысоева, в чьей биографии и империалистическая война, и бои с белогвардейцами, и победа над гитлеровской Германией, однако желание у меня было вполне определенное: мой герой должен походить на майора.

И дело тут не в симпатиях и привязанностях. Всякий актер, работая над ролью, учитывает множество факторов и, кроме прочего, волю или неволю ориентируется на будущего зрителя — на того самого единственного судью, оценка которого ему чрезвычайно важна и опростова-

нию не подлежит. Он, этот зритель, как собственная совесть — на нее не обидишься, ею не пренебрежешь. И мне обычно думается: «Представь, хоть и невероятно, будто в зале во-о-он в том ряду сидит Киров. Как-то он отнесется к сыгранному тобою?» Я спрашиваю себя так по той причине, что для меня Сергей Миронович — олицетворение мудрости рабочего, мыслителя-интеллигента, партийного руководителя, с которым несовместимы мешанская сусальность, полуправда, нравственные компромиссы, нечеткость идейных позиций. Любой из нас волен выбирать себе образец соответствия пониманию собственных целей, и мною этот выбор сделан.

Меня могут спросить: «Позвольте, Папанов, вот вы говорите о Кирове как о партийном руководителе... Но вы же беспартийный». Ответчу, опираясь на долгие годы практики, на итог наблюдений и размышлений, который наиболее точно и емко можно выразить словами Л. И. Брежнева о том, что в умении увлечь художника благородной задачей служения народу, сделать его убежденным и активным участником преобразования общества на коммунистических началах — сила партийного руководства. Я эту силу ощущаю ежедневно, и счастлив, что она есть, что она безошибочный компас в моей творческой судьбе.

Да и только ли в моей?! Преклоняясь перед Борисом Васильевичем Щукиным, создавшим до сих пор непревзойденный, по моему мнению, образ Владимира Ильича Ленина, я считаю, что только благодаря непосредственному большевистскому влиянию — одухотворяющему, окрыляющему — Борис Васильевич

достиг недостижимых вершин. А Николай Павлович Хмелев, а Николай Константинович Черкасов? Сколько крупных мастеров советской сцены вошли навечно в историю нашего искусства как явление грандиозное, ослепительно яркое, испытав благотворное воздействие партии! Ее светлые идеалы стали сутью их жизни, их творчества — вот в чем нахожу я объяснение такому явлению.

**Анатолий
ПАПАНОВ,**
народный
артист РСФСР

В повседневной своей работе в Театре сатиры я постоянно воспринимаю участливое внимание коммунистов. Действительно, если мне понадобится совет, дружеская поддержка, я иду к человеку, которому беспредельно доверяю, — к Евгению Борисовичу Кузнецову, замечательному актеру и секретарю партийной организации нашего театра. Иду, зная, что он не из тех, кому можно «поплакаться в манашку» и получить взамен ни к чему не обязывающее сострадание: как бы хорошо ни был расположен к тебе Кузнецов, истина для него важнее, и он откровенно, без приятельских реверансов, щадящих самолюбие собеседника, выскажет свою точку зрения, доказательно обосновывая ее. Он не боится конфликтов, называя вещи своими именами. Помнится, с какой твердостью настаивал он на том, чтобы в спектакле «Банкет» снять несколько сцен, несозвучных времени и оттого носящих заушательскую окраску. Не все были согласны с Евгением

Борисовичем, находили в анализируемых им сценах «выигранные» моменты, но дальнейшие события и, в частности, реакция общественности, критики, подтвердили правоту коммуниста.

И при всем при том Кузнецов необычайно добр, наделен щедрым даром душевной чуткости, поразительного такта. Эти качества я вижу у многих своих товарищей — членов партии: у Михаила Ульянова, Кирилла Лаврова, Михаила Ивановича Царева... Снискавшие горячую любовь зрителей, энергией таланта завоевавшие признание, они по-прежнему просты и естественны в своей человеческой скромности, которой порою недостает куда менее талантливым художникам.

Конечно, эти черты могут быть и от природы. Однако, думается мне, привлекательные свойства людей, о которых говорю, — благоприобретенные в процессе строгого самовоспитания, осознания ответственности перед обществом, налагаемой принадлежностью к Коммунистической партии. Я вновь и вновь убеждаюсь в том, наблюдая товарищей по театру. Почти тридцать лет продолжается мое знакомство с Клеоном Георгиевичем Протасовым, но я не помню, чтобы хоть однажды он поступил не по совести, в угоду личной корысти. И помыслы, и дела его полностью подчинены интересам коллектива. Полуболезненно, например, у молодых авторов, сотрудничающих с нашим театром, кому они обязаны творческой дружбой с Театром сатиры, и вы услышите: Протасову и Марте Линеевой, заведующей литературной частью. Это Клеон Георгиевич неутомимо разыскивает одаренных литераторов, нередко приводит их к нам, представляет

их произведения. Это Клеон Георгиевич вместе с другим коммунистом — солистом оркестра Юрием Беляевым вызвался наладить лекционную работу в коллективе и, честное слово, справился блестяще, всякий раз приглашая великодушных лекторов, на выступления которых нет нужды звать.

Неиссякаемый энтузиазм, предельно напряженная общественная активность отличают большинство моих коллег коммунистов. У актера не много свободного времени, и все же значимую часть его Михаил Державин отдает товарищам: организует встречи с бывальными людьми и поездки на отдых, спортивную работу и шефские концерты на предприятиях. Алексей Овечкин и Федор Димант, поддерживающие связи с участниками художественной самодеятельности воинских подразделений, получив письмо с просьбой прислать хорошую одноактную пьесу, отправляются в книжные магазины. После репетиции в театре Спартак Мишулин спешит на репетицию с драмкружковцами подшефного сахарного завода имени Мантулина...

Гражданская зрелость артиста непременно отражается и на творчестве, обогащая художественную палитру сочными красками. Присущие коммунистам мировоззренческие и нравственные категории отчетливо синтезируются в психологии сценических героев, служат чутким индикатором, мгновенно реагирующим на малейшее отклонение от высокой правды социалистического реализма. И это столь же неоспоримо, как и то, что если человек по натуре мещанин, его даже тщательно маскируемое мещанство обязательно скажется и на искусстве, не терпя-

шем и не прощающем неискренности, фальши. Магнетически привлекающая чистота мыслей и действий всегда подкупала меня в людях с партийным билетом и, признаюсь, общение с ними оставляет в сердце светлый след, какую-то праздничную удовлетворенность, и, словно мощный импульс, побуждает к поиску, к творческому самосовершенствованию, к не примиримой требовательности к себе.

«И в труде, и в общественной жизни, и в учебе, и в быту — всегда и всюду коммунист должен оставаться коммунистом, с достоинством носить высокое звание члена нашей ленинской партии», — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев на XXIV съезде КПСС. На мой взгляд, именно этим незываемым правилом руководствуются мои друзья коммунисты, и отсюда — линия поведения, характер, принципы, вызывающие и у других стремление к подражанию в лучшем смысле слова. И оно происходит, оно заявляет о себе в творческих дискуссиях, при разрешении остроконфликтных ситуаций, во взаимоотношениях с коллегами, в оценке тех или иных событий, и единственно точным критерием становится: «А если по-партийному?..» Свидетельством особой значимости, истинности такого критерия служит и то, что пользуются им и люди, не состоящие в рядах партии, но верящие в непреложную справедливость ее законов.

Начав статью рассказом о свидании фронтовых побратимов, с нежной гордостью вспоминающих командира-коммуниста, я хочу завершить ее выверенным жизнью утверждением: мне необыкновенно повезло, что в мою биографию органично и накрепко вошли многие и многие коммунисты. Им я обязан, без преувеличения, тем, что нашел свое место в общем строю советского искусства, нужного и близкого людям.